

Я оглянулся на Землю.

С позиций поэтического материализма
(документальная сказка)

Я оглянулся на Землю – там оставались её четыре времени суток, четыре стороны света, четыре времени года, четыре стихии и одно человечество, о котором пока что мало было известно во Вселенной, впрочем, как и ему о ней. Посмотрел, завязал шнурок и пошёл дальше, к остановке.

По дороге поздоровался с жизнью на Марсе, загляделся на обручальные кольца Сатурна, отмахнулся от назойливых комет и, сорвав сосульку с Плутона, вышел за порог солнечного света.

От Солнечной системы по Млечному пути до Мироздания остановок пять-шесть на трамвае. Подошёл вагон Сокольнического депо, я зашёл, показал всем свой проездной, оставшийся у меня ещё с советских времен и спокойно сел возле окна. Кондукторша даже и не заметила, что проездной старый, просроченный – просто посмотрела, отдавая дань своей обязанности, и кивнула, мол, присаживайся. Покажи я проездной аргентинского метро – тоже стал бы пассажиром. Впрочем, не мудрено – из-за распада СССР прочную связь землян с соседями так и не удалось установить, информация доходит медленно, некоторые в других мирах так и живут иллюзиями, что всё, мол, у нас в порядке, впрочем у нас тоже многие ими живут. Вот и проездной сработал. Ничего, думаю, вот возродимся, так обязательно предложим установить бесплатный проезд на общечеловеческом транспорте. Как это они сами не догадались, хотя плата символическая – пятикопеечный медяк.

«Остановка «Мироздание», следующая – «Бесконечность»», – сказала кондукторша. Остальные ехали дальше, я сошёл со ступенек трамвая и очутился под грибным звездопадом – на дворе нынче лето, да и звёздные ливни в этих краях – дело обычное. У стоящих возле остановки были космические озонтики, у кого не было – стояли под сводом небосвода остановки. Ну и я переждал. Рядом говорился разговор – разговор ни о чём, о погоде, как иначе дожدهшься своего трамвая.

— А вы не слышали на завтра знание погоды?

— Знают об усилении космического ветра, пыли наметёт... и листвы с соседней галактики, у них же там осень...

— На трамвае, видать, не проедешь...

— Да, лучше на вневременке ехать.

— Ой, а я пыльник на даче забыла, придётся у подруги взять, ей все равно с подрастающим поколением дома на орбите сидеть.

Тут подошёл трамвай, собеседники сели и уехали в неизвестном измерении. Потом дождь остановился, звёзды замерли, метеориты упорхнули и можно было спокойно идти по тёплым лужам света.

Чем хорошо во Вселенной лето, так это тем, что здесь после дождей радуги достигают таких огромных масштабов, что окрашивают множество странолет, планетозэпох, галактикоэр, пространствовремён*. Исторически совершенно закономерно, а астрономически, конечно, случайно получилось так, что оранжевый, жёлтый, зелёный и другие цвета остались позади, впереди был – красный. Я очутился в его начале. Всё вокруг предстало передо мной в розовом свете, стало легко, беззаботно, ощущалась невесомость всего земного, в том числе и притяжения. А дальше, где сгущались оттенки красного, нарастала весомость всего, в том числе и земного.

В чистом красном свете звёзды сияли золотом, в унисон цвету становились пятиконечными, а когда всё вокруг окрасилось кумачом, в космосе зажглось созвездие СССР и зажгло вместе с такой новой силой, что в груди зажгло. И тут из-за горизонта выстрелил первый луч шпиля здания Мироздания, собственно говоря, куда я и держал путь.

Где-то и когда-то, а вернее везде-то и всегда-то я читал (кажется, в этом самом рассказе), что в здании Мироздания бесконечное число этажей, на каждом этаже – по бесконечному числу комнат, в каждой комнате – такое же число стен, а в каждой стене – по открытой двери, за которыми бесконечное число Всего-навсего. Но главная особенность здания – в нём невозможно заблудиться, потому что везде находишься дома.

Итак, я шёл домой. С каждым шагом из-за горизонта вырастал новый этаж. За окнами: зажигали и тушили звёзды; светали рассветы; гасили закаты; спали, прижимаясь друг к другу пространства, потягиваясь от тепла и уюта, отчего у них возникала кривизна и недоумение астрономов. А одно окно зашторили ночью, но ночь была такой лунной, что оно всё равно светилось.

Издавека – за несколько тысячелетий – здание Мироздания было древней пирамидой. Вблизи же стало исполинской сталинской высоткой. Часы МГУ показывали всё время. Фасад высотного жилого дома – что на Котельнической набережной – венчала скульптура двух существ неизвестной космической цивилизации, в них издавека угадывались земные мужчина и женщина. О советском гербе МИДа я скажу попозже, если не забуду, потому что пока достаточно не разглядел его.

Я всё приближался и приближался к зданию. А Мироздание всё расширялось и расширялось. Уже не хватало человеческого взгляда обозреть его, не хватало мысли осознать, не хватало жизни дойти, как я оказался на пороге здания Мироздания. Вокруг никого не было, впрочем,

* Спускаясь в этой сноске на Землю, надо отметить, что с нашей планеты, как, впрочем, и с любой другой, космические радуги видятся северными сияниями.

это понятно – все были внутри. Поднялся по ступенькам (между второй ... третьей ступеньками стояло троеточие, поэтому сказать о точном бесконечном их количестве я не берусь), вытер ноги о половичок и взялся за деревянную ручку двери. И тут мне вспомнилось, почему я пришёл сюда.

С рождения мы – дети – ходили по всей одной шестой части суши всегда знакомыми маршрутами, даже если шли по ним впервые, все расстояния были близкими, люди – соседями, слова – приветствиями. Часы мира показывали советское время. За наше детское дружелюбное мироощущение отвечало не только детство, отвечал весь Советский Союз. А потом СССР умер, вместе с ним закончилось детство.

Игрушкоподобные вещи и устройства, как и само слово «детство» и его производные ещё оставались в обиходе некоторое время, но исчезло что-то Главное, о котором могли сказать только Счастливые Дети и Советские Настоящие Люди. Отныне их мало рождалось и мало оставалось, поэтому о Главном мало кто слышал. Вместо того, чтобы о них и о Главном написать Красную книгу человечества, их троих оклеветали в Черной книге коммунизма.

Если коммунизм – это юность человечества, то социализм – его детство. А ребенка взяли и превратили в инвалида.*

Тогда-то в нашей жизни и стали вырастать стены лабиринта. Становилось всё теснее и теснее. Пенсионеры не могли из-за них/по ним добраться до ближайшего продовольственного, чтобы купить хлеба и откладывали деньги на гроб. Работоспособное население не могло дойти до работы по призванию и блуждало по рынку труда. Подавленное большинство успокаивалось и забывалось в замкнутом круге: тратило силы на деньги, чтобы тратить деньги на силы, чтобы тратить силы, чтобы. Учащиеся уже не могли успевать к знаниям и не знали даже того, куда пойти, потому что/поэтому невидимые стены увлекали их в пустоту, где они досыта наполняли себя опустошенностью.

Стран[ш]ные это были стены – они проходили внутри людей, а разделяли их снаружи. Смотришь на прохожих солнечным днем, а они в своем мрачном персональном коридоре общего лабиринта, в котором каждый шаг...шаг...шаг по безысходности. Даже самой безысходности здесь одиноко, да ещё вдвойне, потому что она одна и одна на всех, хотя и бывает, чтобы хоть как-то себя развлечь, внешне разной: для одних – нищей, бездомной, голодной; для двоих – домашней, ухоженной, скромной; для третьих – роскошной, сытой, холёной; для всех – невыносимой.

* Впрочем, надо признать, что он и сам во многом виноват – побойчее надо быть и попослушнее – слушаться надо было своих воспитателей – Маркса, Энгельса и Ленина. Хотя это хороший урок воспитанникам грядущего социалистического детского сада. Вот Куба – еще будучи в яслях как ставила, так и продолжает ставить на место скандалиста и истерика старикашку Сэма, который уже полвека тщетно пытается ее удочерить. А вот обрюзгший и избалованный мальчик Китай явно метит в элитный лицей вместо того, чтобы учиться в школе для нормальных детей.

Я поначалу и не чувствовал этих стен. Но однажды на всегда близкой дороге к дому стукнулся лбом о витрину фешенебельного бутика, который умудрились поставить поперёк пути. Пришлось обходить, путь стал длиннее. На следующий день мой путь перегородила пустая л б вь, пришлось опять обходить, но на этот раз целых четыре года. Преграды громоздились одна возле другой, пока в один ужасный день я не понял, что некогда близкий путь домой стал непроходимым. Сегодня было уже не дойти. Оставалось идти сюда – домой.

Дверь не скрипнула, сомнения не одолели, шаги не слышались, я был в Мироздании.

В парадной ненавязчиво пахло свежим ремонтом – масляной краской и побелкой. Как выяснится позже (поэтому я об этом дальше не буду говорить), этот запах здесь вечен и по замыслу строителей символизирует постоянную обновлённость. В углу в деревянной кадучке рос фикус, рядом с кадучкой стояла лейка, возле лейки – банка с водой, около банки – крантик, умело вделанный местным сантехником в батарею.

Если бы здесь ещё не горела одна лампочка, то можно было подумать, что находишься в советском ЖЭКе. «П-у-х!» – треснула лампочка. Все краски погасли на полутон, отчего в помещении стало теплее.

На линолеуме была протоптана тропинка, я пошёл по ней и пришёл к лифту. На кнопке висела табличка: «Не работает по объективным и до поры до времени непознанным причинам. Они будут познаны после обеда. По всем вопросам обращаться по тел. 162-21-82. Читаю книги. Всеобщий лифтёр». Телефон предусмотрительно стоял тут же – под табличкой. Я было нагнулся, чтобы позвонить и расспросить обо всём – обидно как-то стало за всего себя, точнее за всех нас, что из-за какого-то лифтёра, ушедшего в книжный запой, нельзя добраться до высот бытия – как из-за угла показалась швабра. А за ней – всеобщая уборщица, мывшая и так чистые полы неземной поверхности, потому что физический труд помогал ей думать.

— Здравствуйте, я человек, пришёл узнать ответ на вопрос всей нашей земной жизни. Вы не подскажете...

— А? – отвлекаясь от неведомых мыслей, сказала уборщица, — А-а. По таким вопросам в директорскую надо, – заключила она, ткнув ручкой швабры назад, и ушла обратно в мысли.

Я пошёл по коридору, куда было указано шваброй. И, действительно, в неприметном закуточке в конце света была дверь, на которой висела табличка «Комната №2. Директор Мироздания». Странно, что кабинет директора здания всемирного значения и всемерного масштаба, да и просто первая комната первого этажа была под номером «два», впрочем, вопросов и помимо главного возникало много, чтобы ещё обращать внимание на нумерацию, тайна которой откроется, когда неизвестно когда откроется дверь комнаты №1.

За дверью находилась приёмная. Секретарша читала брошюру «Черные дыры в быту». После фразы «А для того, чтобы черная дыра (в космическом обиходе – «мусорка») послужила подольше, поставьте регулятор на отметку «вечность» и...», дверь открылась, и вошёл нарушитель чтения. Простите, что потревожил на таком интригующем месте, и теперь до скорого времени нам пока не узнать, что же ещё надо сделать, чтобы черная дыра послужила вечно.

— Если вы к директору, то подождите. Он занят по неведомым причинам.

Присев, я стал рассматривать приёмную. В ней не было ничего примечательного, это была обобщённая приёмная, поэтому я перейду к разговору.

— А вот скажите, как-то странно получается, разве может существовать здание Мироздания? Ведь получается, что целое является частью самого себя, то есть целого – Здание же находится в Мироздании.

— Ох, и не говорите. Раньше работала спокойно в Мироздании, а теперь каждое утро приходится ездить в это здание. Пока трамвая дождёшься, сто лет пройдёт. Это всё автор этого рассказа, придумал, видите ли, эдакую метафору. А мне – сто лет сюда, сто лет обратно. Пока домой доберусь – все солнечные силы на закате, а ведь ещё надо фауну накормить, флору полить. А ещё люди – младшенькие мои, неразумные пока – нашли вот недавно в кладовой залежи урана, лучше бы варенье отыскивали. А если опять в войну надумают п(р)оиграть? Думаете легко матери-природе уследить за всеми их шалостями, да ещё планетное хозяйство вести? Только отлучись... ещё вот надо Луну от пыли протереть для влюблённых, не забыть февраль к весне разморозить. Дел – по небо.

Внимательно посмотрев на гостя, она произнесла:

— А вы-то не из моих ли?

— А вы, получается ..., – узнавая знакомые черты, догадывался я.

— Земля Вселеновна я.

— Какое отчество необычное.

— Не отчество, а матчество. Повзрослеете – поймёте.

С этими словами она тепло посмотрела на стоящую ко мне спиной рамку и улыбнулась. По улыбке всем нам стало понятно, что в рамке – фотография мамы.

— А вы и тот автор-фантазёр, из-за которого я лишь через столетие найду своё место – случайно не одно лицо?

— Я – это мы и не только.

— Это как это?

— То есть, перед вами не только персонаж и автор рассказа, а ещё и читатель.

— Который сейчас его читает?

— Да.

— Ну, уж знаете, не много ли вы на себя берёте?

— Нет, – сказал персонаж.

— Да нет, – подтвердил автор.

— , – скажете вы.

— И не тесно вам в этом триединстве?

— Ну, уж если те сверхъестественные ужились, то мы-то земные, ваши-то, настоящие – тем более.

— Эх, сколько сил у меня уходит доказать, чтобы все поняли, что те трое и не существуют вовсе. И так объективными процессами намекаю и так. Многие, правда, помогают мне. Вот Ломоносов, Мендель, Дарвин, Менделеев, Мичурин – молодцы! Так ведь по-прежнему талдычат «Бог-отец, бог-отец». Да не Бог-отец, а Природа-мать. Эх, что уж там.

Она посмотрела на нас троих и спросила:

— Так получается, что передо мной как минимум человек... как его имя?

— Андрей.

— ... ага, – продолжила она, – как минимум человек Андрей, а как максимум – всё человечество?

— Да, и для Андрея – вы секретарша, а для человечества – его родная планета Земля, – ответил я.

— Ну, теперь всё понятно. Недавно из дома? Чего новенького-то?

— Последнее значительное событие в нашей с вами всемирной истории трагическое – СССР распался, юный социализм умер. После этого – так, суета, копошение. Я всё вместе по этому поводу сюда и пришло – посоветоваться, – сказала человечество.

— Да ты что... Только мои раны стали заживать на территории Советского Союза, как...такая беда... Срочно надо ехать домой.

Секретарша было всполошилась, заторопилась, а потом сникла и устало села обратно.

— А чем я – природная, естественно-научная – в общественных делах помочь-то смогу? Да и не успею уже. Луну, значит, пока можно не протирать.

По щеке её покатилась капля, а в Москве в то же время прошёл осенний долгодневный дождь.

Мы замолчали. Пока длилось наше молчание, уже закончилась война в Ираке, и успели начаться новые; скорость жизни капитализма увеличилась на сто неестественных человеческих смертей в минуту; добрая часть моего жилого фонда планеты была превращена в хосписы; зарплаты стали выплачивать анальгином, пенсии – анальгином, детские пособия – анальгином; в Кишинёве от забвения умер последний ветеран Первых Мировых Войн.

Так что же мы молчим?

И тогда мы заговорили.

— Всё так, – сказала Земля, – не упомянуто одно – в Буэнос-Айресе рождена первая революционерка поколений Земной Социалистической Революции 2__ г. (заполнить своевременно по факту – прим. Зем.).

— Что? Девочка родилась? – задумавшись и живя ещё в том трагическом абзаце, – спросило я.

— А вы знаете, что лидерами будущей классовой революции и грядущих бесклассовых революций будут женщины?

— Да? Почему?

— Потому что эти революции победят! – уверенно сказала Terra cognita, – Победят окончательно и бесповоротно. И вообще, зачем вам идти к директору Мироздания, что вы ему хотели сказать?

— Хотелось объяснить обстановку. Так, мол, и так. Советского Союза нет. В ближайшее время будущее не предвидится. Счастья в мире, скажу, не наберётся и на одного человека. Наши счастья были бы ярче Солнца, а вместо сердец сжимаются черные дыры. Миллионы людей умирают от жажды, а кто-то принимает ванны с их питьевой водой. Соль у нас дешевле всего добывать из глаз. Разве этого мало? Да первого уже слишком много! Он же директор, он сделает что-нибудь. Я понимаю, что административными мерами здесь не поможешь – отставками, перевыборами, переворотами. Но он же необычный директор – Мироздания всё-таки.

— Обычный, обычный. Самый что ни на есть. Семья, работа, командировки. Вчера, вот, ездил вечность продлевать, формальность, конечно, она же бесконечна, так нет – забыл пропуск, приняли за сантехника. Но всё равно пропустили, хорошо, что у них там водопровод водоворота времени потёк. А у вас получается, что он какой-то господь-бог.

— Ну, если бы он был богом, то тогда на него пришлось бы молиться, а я здесь, чтобы поговорить по-человечески.

— Знаете, как он ответил бы на ваши слова? Он бы сказал: «Голубчики люди, вам надо допознавать объективно сложившиеся закономерности вашей общественной жизни и учиться потихоньку целенаправленно формировать собственные, чтобы никакие исторические случайности не стали роковыми. А всемирная социалистическая революция – только первый шаг к такому умению. А сейчас, извините, спешу на семинар по обмену опытом. До встречи», – сказал директор местного Мироздания, пожал всем руки и ушёл перенимать опыт у коллег.

— Думается мне, нам с вами наши приземлённые проблемы придётся решать самим, а не уповать на всесторонние силы, – заключила Земля.

— Да уж, что может быть приземлённее капитализма?

— И вселеннее коммунизма, – продолжила планета.

— Что? – не уловив масштаба, переспросил я.

— Я говорю, что пока ещё не сложился общественный строй, который был бы вселеннее коммунизма. А хотите узнать, как обстоит дело с коммунизмом во Вселенной*? – лукаво спросила Земля, и её щеки окрасил румянец весны в районе Латинской Америки.

Не дождавшись ответа и правильно сделав – зачем время попусту терять – она подошла к шкафу, достала из него толстенную книгу размером с Советский энциклопедический словарь и положила перед человеком.

— Вот, последняя новинка издательства «Новосоветская энциклопедия», на века/х недавно получила, нам – секретаршам мирозданий – такие справочники в первую очередь выдаются, – гордо произнесла она.

На томе большими советскими буквами было написано «Политический атлас Вселенной» и внизу мелким шрифтом «Издание следующее. Расширенное».

— Вселенная расширяется, поэтому атлас периодически обновляют, – пояснила Земля.

— А если она начнет сужаться?

— Тогда издадут следующее издание – суженное, ведь сужение вселенной всегда предшествует её дальнейшему расширению и, естественно, наоборот, такова диалектика. Этот процесс называется космическим дыханием. У нашей Вселенной, кстати, самое здоровое и лёгкое дыхание в Мироздании, но не будем отвлекаться.

С этими словами она открыла книжку на нужном месте, заложенном закладкой. На правой странице разворота я увидел цветную фотокарточку 9х12, как выяснилось, с изображением нашей Галактики. Под фотографией перечислялись скупые и скучные анкетные данные: год рождения, место нахождения, тип образования, плотность населения и др.

На левой странице разворота была изображена самая обычная схема Галактики в разрезе, которую можно увидеть в любом учебнике по астрономии: в центре находится ядро Галактики, а вправо и влево от него раскинуты спиральные рукава. Обычно такие схемы в учебниках и в научных книжках изображены черно-белыми. А тут она была цветной.

Самым жизнерадостным яркокрасным цветом было окрашено ядро Галактики, где, как известно из школьной программы, наивысшая концентрация звёзд, а потом по мере уменьшения плотности звёзд яркокрасный цвет убывал, становясь красным, розовым, а ближе к краям Галактики и вовсе унывал до тусклого мрачнобордового цвета и становил-

* В современной земной астрономии название нашей Галактики принято писать с большой буквы в отличие от остальных. По всей видимости, это справедливо и в написании имени нашей Вселенной. Современная наука пока и не догадывается, что вселенных в Мироздании столько же, а, может быть, даже и больше, сколько галактик во Вселенной, а галактик во Вселенной больше, чем звезд в Галактике. Ну а звезд на свете столько, сколько света в звездах, а, может, и того больше.

ся чёрным. Я озадаченно смотрел на рисунок, пока Земля не пришла ко мне помощь:

— Перед вами политическая карта нашей Галактики. В политической спектрограмме бытия красным цветом обозначается коммунизм, ну а черным, естественно, капитализм. Чем более развита общественная система жизни, тем ближе к ядру Галактики та звёздно-планетная система, на которой эта жизнь развивается. Так гласит основной вывод науки, имя которой – политическая астрономия. Если хотите, могу дать почитать методичку, – сказала Вселеновна и полезла что-то искать в кипе секретарских бумаг, лежащих на столе.

Все эти пропущенные строки я молчу и думаю, осознавая, что всё это может означать для человечества. Пытаясь переварить сказанное, я произнёс:

— Вы что, хотите сказать, будто образование Галактики имеет общественную природу???

Секретарша, не отвлекаясь от бумаг, спокойно продолжила:

— Именно так, но не только нашей – том-то, сами видите, толстый...

— Но непонятно зачем тогда звёзды движутся друг к другу и скапливаются в центре?

— Во-первых, не звёзды сами по себе движутся, а люди звёзд движут их. А, во-вторых, как это «зачем»? Чтобы быть ближе друг к другу, рядышком, вместе проводить времена, помогать в трудную минуту, путешествовать за границу познания и так далее. А потом, когда все вместе соберёмся, когда галактические спирали сомкнутся, то начнём собираться в центре Вселенной и завьём новые спирали – из галактик и так далее до самой бесконечности.

— Погодите, так ведь наша Солнечная система находится на окраине Галактики...

— Если быть более точным, то мы вместе с вами и с Солнцем не приближаемся к центру Галактики на расстоянии 10 килопарсек *, невероятно далеко пока. Но это же и прекрасно, что так далеко. Только вообразите, какие перспективы перед нами открыты, какой путь распростёрт, чуть было не сказала, к светлому будущему, нет – не «к», а по светлому будущему к центру Галактики, а там – а там будет видно. И мы только в начале этого пути. Посмотрите внимательнее на карту – Солнце расположено на границе перехода чёрного цвета в красный, на пороге коммунизма.

* Энциклопедический словарь юного астронома. Москва «Педагогика» 1986. стр. 59.

Я пригляделся к галактической карте и увидел, что там, где кончалась чернота, и начинал заниматься красный свет, блестела маленькая звёздочка, справа от которой была надпись «Город-герой Москва». Карта была сделана с погрешностью ± 100 лет политического развития Галактики, поэтому гнусное земное безвременье рубежа XX-XXI вв. просто не бралось в расчёт, и Москва оставалась городом-героем, смыв позор репутации города-подонка того рубежа.

Тут раздался телефонный звонок. Земля Вселеновна взяла трубку.

— Алло!

— Здравствуешь, это человечество Веги звонит с пятого надпространственного этажа, у нас тут какой-то сбой в общественном климате – за коммунистической весной опять началась весна, только более тёплая, солнечная и радостная. Хотели спросить – это нормально?

— Ещё как нормально. Привыкайте. После лютой зимы капитализма наступает эпоха вёсен. В первую весну должны были оттаять человеческие отношения. Оттаяли?

— Давно уже оттаяли. Сколько слёз с тех пор утекло...

— Счастья?

— А что, бывают другие?

— Пока бывают, но они убывают...

— А скоро прольётся последняя горе-слеза?

— Когда завершится последняя общественная зима. А-а-пчхи! Осталось недолго ждать – сейчас на Земле уже февраль империализма, к тому же двадцатые числа. Под конец истории капитализма выдалась самая холодная погода – чувства скованы отчуждением, люди мёрзнут от одиночества, стынут от тоски. Боюсь, наступает ледниковый период глобализации. Переживёт его только самая лучшая часть человечества – примерно восемь-девять миллиардов людей, а иначе кто тогда растопит весну? А сейчас в такую стужу и самой – а-а-пчхи! – не мудрено простудиться. Вот видите – уже чихать начала. Но к весне обязательно поправлюсь.

— Выздоровливай поскорей, Земля, и поднимайся ко всем нам в гости – вместе отпразднуем ∞ -е марта.

— Договорились. А-а-а-апчхи.

Как бы самому не простудиться, подумал я и – а-а-а-пчхи! – чихнул.

— А что это за странное обращение такое – «здравствуешь» – не опечатка ли? – спросил я.

— Так это же рудимент предысторического обращения «здравствуйте». При коммунизме ведь тоже нужно как-то приветствовать друг друга, вот и появилась такая форма приветствия, в которой пожелание стало констатацией, а обращение на «вы» как формальный признак ува-

жения исчезло за ненадобностью. Да и звучит «здравствуешь» как-то теплее.

— А у нас оно скоро появится?

— Почему же обязательно оно? Может быть, у нас будет ещё лучше. А что касается сроков... Вот, человечество Веги, сами слышали, уже вторую коммунистическую революцию совершает.

— А что, их будет много?

— Их будет и ни много и ни мало. Будущие революции станут самой жизнью, а разве жизни может быть много или мало? Но это долгий будущий разговор не на одну встречу. К тому же вести его нужно с позиций не поэтического, а диалектического материализма. А если вкратце, то ведь человеческое развитие человечества не заканчивается коммунизмом, а только начинается с него. За эпохой коммунистических революций начнутся эпохи новых. Любое движение, и особенно общественное, никогда не прекращается. В окрестности Солнца один оборот по галактической орбите длится приблизительно 250 миллионов лет*. Но это до поры до времени. Орбитальное перемещение хоть и по спирали – это эволюционный путь движения, всё вокруг да около, тут никакого терпения не хватит. А есть революционный путь. Он начнется прыжком с орбиты на орбиту, потом через одну орбиту, через две, три, наконец, через все. И каждый бросок в будущее, каждый рывок к центру Галактики навстречу соседям – вот революции будущего. Первый прорыв мы совершим скоро.

Скоро. С этим словом внутри меня вспыхнула плеяда сверхновых – сверхновая мечта, сверхновая надежда, сверхновая сила, сверхновая уверенность. Каждым днем жизни я вдруг ощутил, как от каждой секунды начинается такое будущее, которому в будущем предстоит никогда не закончи

— Об этом обо всём надо же рассказать нашим. Надо собираться.

Я начал собираться с мыслями о возвращении, и уже почти собрался, как вдруг осознал, что вернуться-то невозможно, потому что возвращаются к старому, а путь предстоял к новому, вместе с новым и поновому. Это было не возвращением, а чем-то иным, чему ещё не было названия. От этого закружилась голова, и земля ушла из-под ног. Через некоторое время Земля вернулась, протянув мне лист бумаги:

— Это ксерокопия политической карты Галактики. Сам атлас дать не могу – подотчётный инвентарь, да он в ближайшее время вам и не понадобится. На первое время хватит и этой карты. А к тем временам, как вы освоитесь в Галактике, во Вселенной произойдут такие колоссальные изменения в лучшую сторону, что атлас этот уже устареет, и вы сами сможете издать новый. А теперь идите. Пока не поздно.

* Все там же.

Она дала мне в дорогу три солнечных весенних дня и подарила свой самый первый рассвет, в котором на удивление не было ничего необычного – он оказался таким же красивым и неповторимым, как остальные. Рассвет я теперь частенько использую вместо фонарика. Выходя из приёмной, я оглянулся на Землю.

— До скорого, – сказали мы друг другу.

Обогнув угол, попрощавшись с уборщицей, пройдя мимо отремонтированного лифта, полив на прощание фикус и уже собираясь покинуть здание Мироздания, взявшись за ручку двери, через которую входил несколько страниц назад, я увидел перед собой табличку с надписью «Комната №1. Мироздание». И тогда стали понятны и та метафора, и тот парадокс части и целого – когда, начав открывать выходную дверь, я открыл входную, за которой оставалось здание Мироздания – уже построенное, заселённое, обжитое. И вошёл – вошёл в мироздание – в простое, обычное, в котором дел неуворот, которое только ещё предстояло построить, обжить. В нем ещё предвиделись неустроенные времена обустройства, кипели неукротенные пожилые силы природы и неукротимые молодые силы людей, и летела планета – небольшой участок работы, за который несло ответственность ваш покорный слуга – неокрепшее ещё земное человечество. Туда я и держал путь.

Из-за следующего сюжетного поворота выехал земной трамвай. На трамвае на трамвайном языке было написано «Домой», что, кстати, в переводе на пассажирский означает «В депо». Так что, нам оказалось с ним по пути.

— Вам до какой остановки? – спросила уже знакомая кондукторша.

— Домой, до земной, до конечной.

— А с чего вы решили, что она конечная? На нашем пути вообще нет конечных остановок, – удивленно посмотрев на меня, сказала она.

— А Земля – это какая остановка?

— Бесконечная. Следующая бесконечная остановка.

— Тогда мне – домой, до бесконечной.

— С вас...

Не дослушав, я было полез в карман за мелочью и пустяками, но кондукторша продолжила:

— ... честное слово.

Оказывается, у товарно-денежных отношений наконец-то впервые навсегда закончились деньги, и люди стали не как друг как другу, а просто – друг другу – платить искренностью, благодарностью, честностью, взаимностью и тому бесподобным.

— Союз Советских Социалистических Республик. Сдачи не надо. Эти слова неразменные, нерушимые и неделимые.

Заплатив за проезд, я сел возле окна. Передо мной сидело будущее – самое что ни на есть настоящее и светлое, с виду молодое, неокрепшее.

Оно тоже ехало на Землю. Всю дорогу будущее заглядывало вперёд – ему не терпелось поскорее начать наступать.

Не прошло и трёх дней, как я сошёл с трамвая на Землю. Надо было без промедления, не теряя времени на личную жизнь, рассказать кому-нибудь всем о том путешествии, которое мы когда-нибудь всегда совершим и окажемся где-нибудь везде, где наконец-то начнем понимать хоть что-нибудь все. Хорошо, что карта Галактики была под рукой, с ней будет проще ориентироваться в начале пути. Был, безусловно, небольшой риск ненадолго остаться непонятым и даже быть заподозренным в сумасшествии, но насущная необходимость трогаться в дорогу – пусть не со дня на день, и даже не с года на год, но уж точно с века на век – сводила его практически на нет. Риск был в другом – чтобы сказать о таком, могло не хватить всей жизни и всех слов.

Но начинать нужно прямо сейчас, я подхожу к людям и вижу среди них вдалеке двух весёлых и счастливых. Почему-то только двух, впрочем, по нынешним земным меркам это довольно много. Направляюсь к ним – счастливые-то должны понять с полуслова. Эти два человека пляшут, у них, наверное, какой-то праздник. По мере приближения становится видно, что это две старушки танцуют друг перед другом. Но они почему-то танцуют молча и нерадостно, их движения какие-то неестественные для счастливых людей, механические, неживые. Вот уже рядом, уже готов сказать первые слова, как становится ясным бессмысленность танца и смысл нетанца. Они мнут жестяные банки из-под пива. Расплющивают их, чтобы побольше уместилось в сумке, которую они, набив до отказа, относят в пункт приёма цветных металлов. Они не танцуют, они мнут жестяные банки. Все вокруг проходят мимо и не обращают никакого внимания на такие пустяки, никому и в голову не может придти, что эти две пенсионерки не мнут жестяные банки, а танцуют.

Вечером того же века сижу перед чистым листом монитора и пытаюсь вспомнить те первые слова, с которых хотелось начать. Капитализм не дает сосредоточиться. Закрываю лицо руками, указательный палец ложится на висок, в виске бьётся пульс, за пульсом бьётся ненависть, мечется бессилие, терзает отчаяние. Вспомнил – «Я оглянулся на Землю» – и оглянулся

НАЧАЛО